

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Института права

(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Гражданско-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему Семейно-правовая ответственность

Студент

Л.Г. Ларионова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

К. ю. н., доцент Р.Ф. Вагапов

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Содержание

Введение.....	4
1 Теоретические основы семейно-правовой ответственности	7
1.1 Понятие и сущность семейно-правовой ответственности.....	7
1.2 Основания семейно-правовой ответственности	14
2 Особенности реализации семейно-правовой ответственности	22
2.1 Меры семейно-правовой ответственности.....	22
2.2 Проблемы реализации мер семейно-правовой ответственности.....	33
3 Перспективы развития мер семейно-правовой ответственности.....	43
3.1 Анализ судебной практики в области семейно-правовой ответственности	43
3.2 Направления совершенствования законодательства в области семейно-правовой ответственности.....	51
Заключение	55
Список используемой литературы и используемых источников.....	59

Введение

Актуальность темы исследования. В последние десятилетия главнейшими векторами семейной политики государства служат сохранение традиционных ценностей семьи, стимулирование ее воспроизводства, защита материнства, пропаганда семейного образа жизни, всесторонняя поддержка молодых семей, укрепление нравственно-духовных начал в семейных отношениях.

Как известно, сегодня существует немало аспектов, по которым Семейный кодекс РФ предоставляет участникам правоотношений возможность действовать по своему усмотрению, руководствуясь при этом такими важнейшими принципами, как равенство, взаимоуважение, добросовестность, взаимопомощь и др. В то же время, как следует из норм Конституции РФ, государству надлежит не только обеспечить гражданам способность осуществлять свои права (вытекающие, в т. ч. из семейных правоотношений), но и обеспечить необходимый уровень защиты таких прав. В частности, при выявлении нарушений законодательства, к виновным лицам должны быть применены соответствующие меры семейно-правовой ответственности.

Именно в семейных правоотношениях тесно переплетаются методы государственно-правового и частно-правового регулирования. Сегодня государство может вторгаться в дела отдельной семьи, однако, оно должно это делать лишь в особых случаях, в т. ч. если это требуется для защиты прав наиболее уязвимых категорий граждан. Границы подобного вторжения, а также особенности ответственности нарушителей, должны устанавливаться законодательством, и институт семейно-правовой ответственности служит непосредственно для этих целей.

Тем не менее, в настоящее время в доктрине не выработано однообразного подхода к семейно-правовой ответственности, в связи с чем,

полагаем, что определение ее юридической природы и специфики служит важнейшей задачей для теоретической науки.

Тот факт, что не существует общего научного и правоприменительного подхода к задачам, функциям, правовой сущности, основаниям и принципам семейно-правовой ответственности, крайне отрицательно отражается на эффективности правового регулирования семейной сферы отношений, а также препятствует единообразному правоприменению. Вместе с этим это мешает выбрать единый вектор для совершенствования действующего семейного законодательства.

Степень разработанности. Стоит указать, что анализ особенностей привлечения к ответственности в рассматриваемой сфере правоотношений проводился в своих работах И. Н. Гливинской, Я. Р. Малеевым, Л. Е. Чичеровой, Н. Ф. Звенигородской, А. В. Маркосяном, О. Ю. Ситковой, П. А. Матвеевым, С. Н. Тагаевой, О. С. Турусовой, Н. Н. Тарусиной, Т. В. Шершенем и прочими авторами. Тем не менее, до сих пор не выработано общего понятия данного вида ответственности, не установлено место этого института в системе семейного права, а также не разрешено множество иных важных вопросов.

Цель дипломной работы заключается в анализе правовой сущности и оснований семейно-правовой ответственности, исследовании актуальных вопросов судебной практики по применению мер семейно-правовой ответственности, в выявлении недостатков отечественного законодательства и выработке возможных направлений для его совершенствования в рассматриваемой сфере.

Для достижения обозначенных целей потребуется разрешить комплекс взаимосвязанных задач: определить понятие и сущность семейно-правовой ответственности; установить основания семейно-правовой ответственности; выявить особенности реализации семейно-правовой ответственности; провести классификацию мер семейно-правовой ответственности; рассмотреть актуальные проблемы реализации мер семейно-правовой

ответственности; проанализировать судебную практику в области семейно-правовой ответственности; выработать направления совершенствования законодательства в области семейно-правовой ответственности.

Объектом работы являются общественные отношения, которые возникают в процессе привлечения субъектов к семейно-правовой ответственности.

Предметом послужили нормы отечественного законодательства, регулирующие семейные, а в отдельных случаях, гражданские правоотношения, практика судебных органов, сложившаяся в ходе привлечения лиц к семейно-правовой ответственности.

Методологическая основа работы. Исследование базировалось на применении различных общенаучных и частнонаучных методов, среди которых: анализ, синтез, системный, логический, исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой, правового моделирования и другие.

Нормативная основа исследования состоит из таких правовых актов как: Конституция РФ, Семейный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ и прочие кодифицированные правовые акты, федеральные законы, подзаконные и иные акты, посредством которых регулируются правоотношения, имеющие место в процессе применения мер семейно-правовой ответственности.

Теоретическая и практическая значимость дипломной работы заключается в том, что сделанные в ней выводы возможно взять за основу для дальнейших исследований института семейно-правовой ответственности. Результаты исследования способствуют развитию теоретических основ семейного права, выработке векторов совершенствования действующего отечественного законодательства, регулирующего применение мер ответственности в семейном праве. Полученные выводы могут быть учтены в правоприменительной практике, а также в рамках образовательного процесса при изучении курса «Семейное право» и различных гражданско-правовых дисциплин.

1 Теоретические основы семейно-правовой ответственности

1.1 Понятие и сущность семейно-правовой ответственности

В рамках правовой теории не предусмотрено четко установленных критериев, опираясь на которые, мы могли бы утверждать о наличии «собственного» вида ответственности в определенной правовой отрасли. По общему правилу, ученые указывают на существование четырех видов правовой ответственности: дисциплинарной, административной, гражданско-правовой и уголовной [58, с. 22].

Однако, в ходе эволюции общественных отношений и соответствующего изменения законодательства, стали вычленяться все новые разновидности юридической ответственности, среди которых не является исключением и семейно-правовая. На необходимость ее обособления и признания указывают сегодня множество авторов [21, с. 28].

Научные дискуссии относительно признания семейно-правовой ответственности существуют по той причине, что в рамках действующего Семейного кодекса РФ [43] (далее - СК РФ) не предусмотрено понятия рассматриваемого института. Этот факт порождает неоднозначные подходы ученых к природе и сущности этого правового института, вызывает неопределенность относительно признания его самостоятельным видом. Тем не менее, исследование норм СК РФ свидетельствует, что понятие «ответственности» предусмотрено его тексте, в частности, в статьях 1, 45, 63, 65, 111, 115, 122 и др.

Анализируя категорию семейно-правовой ответственности, необходимо признать значение непосредственно самого этого термина, и рассмотреть вероятность применения его как синонима к словосочетанию «ответственность в семейном праве». Это связано с тем, что в литературе не очерчено ясных пределов между данными категориями, и зачастую можно увидеть их отождествление. Полагаем, что последнее является ошибочным, и

между двумя данными терминами не следует проводить аналогию, так как категория «ответственность в семейном праве» представляется наиболее обширной, охватывающей ответственность как семейно-правовую, так и гражданско-правовую, административную, а также уголовную. Все эти виды ответственности применимы при нарушении норм семейного законодательства.

Основным показателем для утверждения о существовании семейно-правовой ответственности и необходимости ее обособления от прочих видов ответственности, служат особые характеристики метода и предмета правового регулирования. Стоит отметить, что сегодня вопрос относительно отраслевой специфики семейного права также дискуссионный, и не характеризуется единым подходом со стороны научного сообщества. Исходя из того, относить ли его к обособленной правовой отрасли, либо воспринимать в качестве подотрасли права гражданского, будет рассматриваться вопрос относительно самостоятельности семейно-правового вида ответственности.

Полагаем, что в рамках настоящего параграфа следует провести анализ основных точек зрения по указанному вопросу. Так, ряд исследователей утверждают, что семейное право неоспоримо является подотраслью гражданского [53, с. 20]. Вразрез с ними, иные авторы признают самостоятельность рассматриваемой правовой отрасли [61, с. 227].

Мы полагаем, что семейное право необходимо рассматривать в качестве обособленной отрасли, которая предусматривает свой, самостоятельный вид ответственности. В этой связи целесообразно очертить комплекс семейно-правовых отношений, устанавливающих пределы такого вида ответственности. По общему правилу, предмет рассматриваемой отрасли охватывает целый комплекс групп общественных отношений, среди которых:

- брачно-правовые отношения (заключение и прекращение брака, его недействительность);
- возникающие при устройстве детей сирот и оставшихся без попечения в семью;

- личные отношения членов семьи (имущественные и неимущественные), т. е. супругов, детей и родителей (усыновленных и усыновителей);
- ряд личных отношений между иными родственниками (имущественные и неимущественные).

Вышеуказанные правоотношения и их конкретные разновидности напрямую воздействуют на пределы, а также сущность семейно-правовой ответственности. Исходя из этого, границы применения последней, устанавливаются рамками соответствующих правоотношений, т. е. предметом рассматриваемой отрасли права.

При выработке понятия «семейно-правовой ответственности», множество исследователей отталкивались от доктрины общей теории правовой ответственности. Такой вывод можно сделать, сравнив имеющиеся подходы к рассматриваемому понятию, поскольку большинство из них являются ничем иным, как модификацией общетеоретических подходов к юридической ответственности (принимая во внимание особенности семейно-правовой отрасли).

Так, одни ученые семейно-правовую ответственность воспринимают в качестве санкции конкретной нормы права [52, с. 32]. Представляется, что этот подход весьма ошибочен, в связи с тем, что в теории права неоспорим тот факт, что «юридическую ответственность нельзя отождествлять с санкцией, поскольку последняя служит только мерой» [16, с. 360]. Как видно, санкциями, предусмотренными в правовых нормах, устанавливаются только меры правовой ответственности, соответственно, санкциями, содержащимися в нормах семейного законодательства, установлены меры семейно-правовой ответственности.

Некоторые из исследователей указывают, что семейно-правовая ответственность по сути представляет собой обязанность. В частности, данной точки зрения придерживается М.В. Антокольская, полагающая, что определить данный вид ответственности можно в качестве обязанности

субъекта претерпеть лишение какого-нибудь права либо прочие негативные последствия его противоправных действий, совершенных виновно. Вместе с этим, ответственность в рассматриваемой сфере права аналогична гражданско-правовой [41, с. 104].

Между тем, такая аналогия между семейной и гражданско-правовой ответственностью, нам представляется ошибочной, поскольку у семейного права иной объект регулирования, который разнится с объектом гражданско-правового регулирования. Например, некоторые авторы, анализируя гражданско-правовую ответственность вкупе с семейно-правовой, говорят о том, что «если гражданское право использует исключительно имущественные санкции, то в семейном праве преобладают санкции личного характера. В отличие от гражданского права, довольно широко использующего меры ответственности, в семейном праве они применяются весьма ограниченно» [42, с. 457]. Тем не менее, указанные виды ответственности обладают тождественными чертами, впрочем, как и административная, и уголовная, и иные разновидности ответственности.

Помимо прочего, взгляд на правовую ответственность в целом, и семейно-правовую в частности, как на обязанность, видится нецелесообразным по целому ряду оснований. Так, правовая обязанность выступает установленной законодательством для субъекта правового отношения, мерой должного поведения [24, с. 161]. Эта обязанность, как и субъективное право, выступает составляющей самого правоотношения. Соответственно, правовая обязанность и правовая ответственность в механизме правового регулирования - категории связанные, однако далеко не аналогичные. Выполнение обязанности не следует приравнивать к ответственности, поскольку оно служит лишь составляющим правосознания. Таким образом, рассмотрение обязанности, как основного признака правовой ответственности, видится ошибочным, поскольку первая не служит отражением содержания последнего.

Многие, занимающиеся исследованиями в сфере семейного права авторы, утверждают, что семейно-правовая ответственность является правовым отношением, в рамках которого участниками являются потерпевший, нарушитель и государство (посредством должностных лиц и уполномоченных органов). Е.М. Ворожейкин стал одним из первых, кто указал на данный признак. Выделяя другие особенные черты ответственности в семейном праве, автор полагал, что во-первых, привлечение к такой ответственности становится возможным только в случае, когда действия субъектов идут вразрез с нормой права, чьи санкции устанавливают негативные последствия; во-вторых, ответственность может наступить за действия в существующем правовом отношении, и не быть связана с действиями субъектов, не принимающих участия в последнем; привлечение к ответственности возможно только в случае нарушения прав иного участника правоотношения, и лишь в том случае, если есть вина нарушителя [44, с. 304].

Подобная позиция поддержана С. В. Зыковым, утверждавшим, что ответственность в рассматриваемой отрасли - есть негативные юридические последствия, и уточнявшим, что по сути она представляет собой «лишение» за допущенное правонарушение [11, с. 10].

Безусловно, рассматриваемая ответственность выражается в ограничении или лишении личных правомочий (в частности, ограничение либо лишение родительских прав в случае виновных действий (бездействия) субъекта), либо имущественных прав, установленных законодательством (в частности, признавая недействительность брака, судебный орган может признать за супругом, чьи права этим браком нарушаются, право на соответствующее содержание от второго супруга, как это следует из норм статей 90, 91 СК РФ).

Исследуя сущность рассматриваемого вида ответственности, ученые приводили и другие точки зрения, которые значительно отличны от приведенных выше. Ряд исследователей соглашаются с существованием такой ответственности, однако, видят ее в качестве составляющей более объемного

института частноправовой ответственности. Соответственно, они противопоставляют ее институту публично-правовой ответственности [19, с. 37]. Оригинальна позиция А.Е. Казанцевой, которая полагает, что «содержание семейно-правовой ответственности заключается в устранении обязанных лиц от личного воспитания детей, воплощающегося в различных формах, зависящих от основания возникновения правоотношений по воспитанию» [15, с. 130].

Подводя итог следует отметить, что многие исследователи опираются на отрицательное восприятие семейно-правовой ответственности. Например, А.М. Нечаева отрицает исследование рассматриваемой ответственности с позитивных аспектов, поскольку «столь широкое понимание ответственности, отождествление её с чувством ответственности в научно-исследовательских работах затрудняет не только её осмысление, но и разработку всех сторон ответственности как целостной проблемы, затрудняет изучение механизма её действия» [25, с. 16].

Таким образом, исследование сущности и природы семейно-правовой ответственности, наталкивает на ряд выводов.

Во-первых, в рамках СК РФ не предусмотрено термина «семейно-правовая ответственность», тем не менее, нехватка обобщающих норм касательно мер семейной ответственности, не должна рассматриваться оптимальным доводом, подвергающим сомнению существование данного института в соответствующей отрасли права. Также это следует признать существенным пробелом действующего закона.

Во-вторых, категории «ответственность в семейном праве» и «семейно-правовая ответственность» не следует отождествлять, так как вторая выступает разновидностью первой. Семейно-правовая ответственность - это вид правовой ответственности, а последняя выступает видом ответственности социальной.

В-третьих, рассматриваемому виду ответственности присущ целый ряд признаков, характерных иным видам правовой ответственности:

- ее использование происходит исходя из правового закрепления ее границ и объема, а также содержания, оснований и видов процессуальной реализации. Законодательные положения, касающиеся элементов семейно-правовой ответственности, в комплексе образуют отдельный семейно-правовой институт;
- она по сути является государственным принуждением, в связи с тем, что ее реализация происходит посредством властных правомочий судебных или иных компетентных органов (опеки). Соответственно, она обладает государственно-принудительным свойством;
- она влечет за собой возникновение отрицательных последствий для правонарушителей, установленных в санкции соответствующей нормы.

В-четвертых, меры рассматриваемого вида ответственности состоят в ограничении либо лишении определенных прав виновных субъектов, в связи с тем, что принудительное воздействие на последних другим образом, произвести нельзя. Отрицательные последствия могут выражаться в форме лично-направленных лишений, в частности, в ограничении семейной правоспособности.

Представляется, что принимая во внимание проанализированные точки зрения ученых, можно вывести следующую дефиницию: семейно-правовая ответственность - это, в первую очередь, сознательное выполнение предусмотренных законом обязанностей, вытекающих из брачных, родительских и иных родственных отношений, а при невыполнении их – это принудительное исполнение либо наложение соответствующих лишений и отрицательных последствий для виновного субъекта, установленных семейно-правовыми нормами и гарантируемых посредством применения государственного принуждения.

1.2 Основания семейно-правовой ответственности

Ряд авторов справедливо указывают на то, что «основания ответственности имеют двойкий смысл: во-первых, на основании чего: закона, другой нормы права, договора (правовое основание), можно ставить вопрос об ответственности; и, во-вторых, за что конкретно лицо может нести ответственность» [46, с. 51].

По представлению А.М. Нечаевой [24, с. 168], в основании семейно-правовой ответственности находится совершение соответствующего нарушения участником семейных правоотношений. По мнению И. Л. Корнеевой, основанием для привлечения к ответственности служит присутствие состава правонарушения [18, с. 361]. Представляет интерес мнение Н.Н. Тарусиной, не заостряющей внимания на конструкции «основание ответственности», и не обособляющей ее условия. Автор полагает, что «в зависимости от наличия в негативном поведении родителей состава правонарушения к ним применяются либо меры семейно-правовой ответственности, либо отказ в принудительном осуществлении права, либо иные меры оперативного характера, направленные на защиту интересов ребенка» [49, с. 41]. Как видно, автор полагает, что состав правонарушения способен послужить в качестве основания применения мер семейной ответственности. Также она полагает, что привлечение к ответственности допускается лишь при совершении правонарушения. Можно прийти к выводу, что по мнению Н.Н. Тарусиной, совершение правонарушения способно послужит в качестве основания применения соответствующих мер ответственности.

По убеждению А.М. Нечаевой, с которым следует согласиться, «нарушение наиболее существенных брачно-семейных прав нигде, ни в каком контексте не фигурирует как правонарушение, хотя таковым по существу является» [24, с. 59].

Относительно обособления такой категории как «семейное правонарушение», в науке существуют дискуссии [9], а различные аспекты негативных последствий для нарушителя подлежат рассмотрению в гражданском судопроизводстве. Соответственно, чтобы доказать право на существование подхода к рассматриваемому виду ответственности в качестве единой, требуется исследование ее признаков и с точки зрения ретроспективности, и с точки зрения позитивности.

Целесообразно рассмотреть точку зрения С. О. Карибян, которая рассуждая о возможности привлечения несовершеннолетнего к ответственности по семейному праву, столкнулась с проблемой оснований для такой ответственности. Автор определяет, что основанием здесь непременно служит семейное правонарушение, которое содержит комплекс составляющих, требуемых для применения мер семейно-правовой ответственности, а равно обстоятельства, установленные в СК РФ в качестве оснований использования таких мер. С. О. Карибян приводит собственную точку зрения, которую целесообразно воспринять в качестве подхода к множественности оснований для применения таких мер. По нашему мнению, это является оправданным [14, с. 10].

Например, «по решению Ленинского районного суда г. Ульяновска (Ульяновская область) от 11 сентября 2014 г. № 12-482/2014 основанием для привлечения Туманян А.П. к административной ответственности по ч. 3 ст. 5.35 КоАП РФ послужил тот факт, что Туманян А.П. препятствует общению Туманян В.М. с дочерью. Так, Туманян В.М. приехал ко входу в парк «Победы», однако Туманян А.П. не привела дочь на встречу с отцом, без объяснения происходящего» [31].

Следует обратить внимание, что и в этом случае не наблюдается единства исследователей в области семейного права. В частности, Л.М. Пчелинцева, в основание ответственности вкладывает допущение участником семейных правоотношений соответствующего правонарушения. В этом случае действует постулат «нет правонарушения - нет ответственности».

Вызывает интерес подход Л.М. Пчелинцевой, что «ответственность по семейному праву наступает лишь при наличии семейного правонарушения. Обязательными элементами семейного правонарушения являются противоправное действие (бездействие) субъекта и его вина (что касается наличия вреда, а, следовательно, и причинной связи между противоправным деянием и наступившим вредным результатом, то эти элементы необязательны для всех случаев правонарушений)» [40, с. 330].

С.Н. Тагаева не без оснований утверждает, что основаниями наложения мер семейно-правовой ответственности служат:

- «противоправный характер поведения (действий или бездействия) лица, на которое предполагается возложить ответственность;
- наличие у потерпевшего лица вреда или убытков;
- причинная связь между противоправным поведением нарушителя и наступившими негативными последствиями;
- вина правонарушителя» [48, с. 170].

В свою очередь, по убеждению Н.Ф. Звенигородской, единственным основанием для наложения ответственности служит правонарушение, а, соответственно, необходимо разграничивать элементы правонарушения, охватываемые его составом, и условия применения мер ответственности [10, с. 14].

Следует обратить внимание, что ответственность в рассматриваемой отрасли права, может иметь место и в рамках усеченного состава конкретного нарушения [57, с. 4]. Исследование Н.С. Сальковой, анализирующей подходы к этому вопросу, способствовало формулировки определенного вывода, относительно того, что «обязательными основаниями семейно-правовой ответственности являются два элемента состава правонарушения: противоправное поведение субъекта семейных правоотношений и его вина» [39, с. 59].

Некоторые авторы полагают, что «состав семейного правонарушения необходимо раскрывать через условия, поскольку, в частности,

«конкретизировать объект семейного правонарушения нет необходимости» [5, с. 40].

Также авторы во многих случаях убеждены, что «отсутствие хотя бы одного из указанных элементов исключает наличие полного состава и, следовательно, означает отсутствие законного основания для привлечения нарушителя к семейно-правовой ответственности» [51, с. 11].

Элементами состава семейного правонарушения необходимо признать субъект, объект, объективную и субъективную стороны. Однако, остается возможность наложения ответственности в рассматриваемой сфере при усеченном составе нарушения.

Как известно, меры ответственности могут устанавливаться в законе, и, соответственно, обладать законным характером (основание – закон). Помимо этого, СК РФ позволяет субъектам правоотношений быть участниками семейно-правовых договоров. При нарушении же условий последних, появляется вероятность привлечения участников к договорной ответственности (основание – договор). Например, по договору о приемной семье, ответственность родителей - есть договорная ответственность, установленная соответствующим законодательством, а также договором о приемной семье. В этом случае изначально наступает ответственность перед обществом, но не перед второй стороной - органом опеки, за совершение семейного правонарушения, выражающегося в ненадлежащем воспитании несовершеннолетнего, состоящую в определенных лишениях, а именно, в устранении от воспитания последнего.

Исходя из этого, семейно-правовую ответственность можно подразделить на внедоговорную и договорную, которые имеют различные основания. Здесь в качестве критерия классификации рассматриваются источники ее возникновения. Параметры внедоговорной ответственности предусматриваются в действующем законодательстве, а параметры договорной – как в действующем законодательстве, так и в содержании семейно-правового соглашения.

Таким образом, если в основании правоотношения лежит договор, меры ответственности применяются за семейное правонарушение, состоящее в недобросовестном выполнении договорных обязательств, и способствуют возникновению негативных последствий для нарушителя.

Поскольку семейные правоотношения можно в т. ч. разделить на личные имущественные и связанные с имущественными, неимущественные, то ответственность может наступить:

- за семейные нарушения прав имущественных (в частности, в рамках алиментных обязательств);
- за семейные нарушения личных прав (в частности, при признании недействительности брачного союза);
- за семейные нарушения в области и личных, и имущественных прав (например, в случае лишения родительских прав) [55, с. 50].

Если в основании ответственности лежит договор, то она может состоять в лишениях и имущественного, и личного характера.

Стоит упомянуть, что имущественные лишения в основном свойственны гражданско-правовой отрасли, которая теснейшим образом связана с отношениями по поводу имущества. Семейно-правовая же отрасль, преимущественно регламентирует неимущественные личные отношения членов семьи, а, соответственно, семейно-правовая ответственность состоит в первую очередь в лишениях, обладающих личным характером (лишение родительских прав).

Полагаем, что необходимо провести анализ аспектов, относительно оснований лишения родительских прав. В ст. 69 СК РФ первым таким основанием для использования исключительной меры, служит уклонение от исполнения обязанностей родителей, в т. ч. в случае злостной неуплаты алиментов. Однако полагаем, что трудно решить вопрос относительно того, каким образом конкретные действия родителей следует рассматривать в качестве уклонения от исполнения обязанностей в отношении детей. Хотя на первый взгляд и возможно выявить, имело ли место уклонение родителя от

своих обязательств, то не вполне ясно, как можно в точности определить, что данное основание непосредственно для лишения соответствующих прав, а не, для ограничения их, либо предупреждения о потребности скорейшего изменения отношения к обеспечению и воспитанию ребенка.

Зачастую происходит, что родители, совершая уклонение на протяжении какого-либо периода, под воздействием профилактических бесед, меняют свое отношение и более не допускают подобного отношения к ребенку. Представляется, что для лишения родительских прав необходима неоднократность уклонения от исполнения обязанностей. В связи с чем абз. 2 ст. 69 СК РФ следует предусмотреть в следующем виде: «...злостно уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов». Полагаем, это повысит эффективность защиты прав ребенка на семейное воспитание, поскольку предотвратит вероятность лишения соответствующих прав его родителей, в случае, когда последние однократно уклонились от воспитания.

По одному из дел, «прокурор Ленинского района г. Ульяновска в интересах несовершеннолетнего Войнаш обратился в суд с иском к Войнаш о взыскании неустойки за несвоевременную выплату алиментов, указывая, что в соответствии со ст. 38 Конституции РФ забота о детях, их воспитании является правом и обязанностью родителей. Согласно ч. 1 ст. 80 СК РФ родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. Злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей влечет уголовную ответственность, предусмотренную ч. 1 ст. 157 УК РФ. Приговором мирового судьи судебного участка № 2 Ленинского района г. Ульяновска от 11 декабря 2014 г. Войнаш признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ. При рассмотрении уголовного дела установлено, что согласно решения Ленинского районного суда г. Ульяновска от 13 ноября 2008 г. Войнаш обязана выплачивать алименты на содержание несовершеннолетнего

сына Войнаш вплоть до его совершеннолетия в размере 1/6 всех видов доходов с зачислением средств на личный счет ребенка в Сбербанке России» [31].

По другому делу, «приговором мирового судьи судебного участка № 2 Мелекесского судебного района Ульяновской области от 15 января 2015 г. Тепфер С.А. признан виновным в злостном уклонении родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей в период с 21 августа 2013 г. по 26 ноября 2014 г. при обстоятельствах, подробно изложенных в приговоре суда. Осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, к шести месяцам исправительных работ с удержанием 5% из заработной платы в доход государства, отбываемых в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией, в районе места жительства осужденного» [32]. Логично, что данный вид ответственности подлежит реализации в пределах семейного правоотношения. Можно предположить, что правоотношение может существовать, но ответственности в нем не возникнет. Может возникнуть вопрос относительно того, будут ли участники семейного правоотношения нести ответственность друг перед другом, иными членами семьи, перед государством и обществом, если никакого правонарушения они не совершат. Полагаем, что такого быть не может.

Соответственно, утверждать о возникновении ответственности после совершения правонарушения в указанной сфере отношений, будет в корне неверно. В то же время, проводя анализ авторских исследований, в рамках которых указывается на совершение семейного правонарушения в качестве основания применения мер ответственности, мы пришли к выводу, что фактически в каждом из них упоминается, что правонарушение служит в качестве основания привлечения к семейно-правовой ответственности, но оно не является основанием возникновения последней. С указанным подходом следует согласиться, поскольку он соответствует правоприменительной практике.

Таким образом, под семейно-правовой ответственностью необходимо понимать предусмотренную в специальном порядке обязанность участника семейно-правового отношения, совершившего нарушение в данной сфере, претерпевать определенные лишения личного, материального либо организационного характера, сознательное выполнение предусмотренных законом обязанностей, вытекающих из брачных, родительских и иных родственных отношений, а при невыполнении их – это принудительное исполнение либо наложение соответствующих лишений и отрицательных последствий для виновного субъекта, установленных семейно-правовыми нормами и гарантируемых посредством применения государственного принуждения.

В качестве основания привлечения к ответственности в семейно-правовой сфере выступает соответствующее правонарушение, охватывающее своим составом те элементы, которые требуются для применения мер ответственности, а равно обстоятельства, относимые к основаниям применения мер такой ответственности действующим семейным законодательством.

В качестве главного основания использования мер семейной ответственности служит состав правонарушения. Общими основаниями такой ответственности являются: неправомерность действий семейно-правового субъекта, в отношении которого семейно-правовая ответственность подлежит возложению; нанесение ущерба; наличие вины нарушителя; наличие причинной связи между неправомерными действиями лица и отрицательными последствиями.

Вместе с этим привлечь к семейно-правовой ответственности также вероятно в пределах нарушения с усеченным составом. Полагаем, что с момента семейного правонарушения рассматриваемый вид ответственности еще не возникает, поскольку правонарушение служит в качестве основания привлечения лица к ответственности, но не в качестве основания возникновения.

2 Особенности реализации семейно-правовой ответственности

2.1 Меры семейно-правовой ответственности

Стоит указать, что «меры семейно-правовой ответственности, называемые в качестве специфических для семейного права, - прекращение правоотношений (развод, расторжение договора о приемной семье, признание брака недействительным и др.) и лишение права (лишение родительских прав, лишение права быть опекуном, усыновителем и т.д.) - подвергаются критике и при ближайшем рассмотрении оказываются больше похожи на меры защиты» [45, с. 190].

В качестве «признаков юридической ответственности, а, следовательно, и ее вида - семейно-правовой ответственности - являются, прежде всего, связь с государственным принуждением, законодательное закрепление, формализованность (определение прав и обязанностей, дозволений и запретов), связь с оценкой государством и обществом, личностная направленность последствий поведения, возложение процессуальной формой, реализация в рамках семейных правоотношений» [38, с. 95].

«Государственное принуждение, конечно, важный признак семейно-правовой ответственности. Однако меры государственного принуждения не всегда являются мерами семейно-правовой ответственности. Не всякое государственное принуждение следует признавать юридической ответственностью» [10, с. 24]. Существуют и другие эффективные меры правового воздействия, имеющие целью защиту и восстановление общественных отношений. В теории права эти меры получили название мер защиты, отмечают авторы [54, с. 212].

Заслуживает внимания высказанный в науке подход В. А. Микрюковым в отношении санкций, применяемых в качестве меры семейно-правовой ответственности. Он определяет санкцию «как предусмотренную семейным законодательством и (или) семейно-правовым договором меру личного и

имущественного воздействия на правонарушителя, призванную обеспечить надлежащее исполнение возложенных на субъекта семейных правоотношений обязанностей, предусмотренных законом и (или) договором. Следовательно, в санкции, в ее значении меры семейно-правовой ответственности, законодатель определяет для правонарушителя негативные последствия в связи с совершением им правонарушения. Автор полагает, что и в этом понятии ответственность проявляется в санкции, и санкция является закреплением законодателем в норме права определенной меры ответственности за конкретное правонарушение» [23, с. 164]. Приведенное «мнение уважаемого ученого заслуживает внимания, вместе с тем можно увидеть лишь ретроспективный подход к анализируемому явлению, без учета позитивного.

Следует признать, что многие из ученых отождествляют понятия «мера семейно-правовой ответственности» и «санкция». Хотя они не дают понятия санкции, из контекста можно сделать вывод о том, что в санкции отражена мера ответственности за совершенное правонарушение» [41, с. 30].

В связи с тем, что «лишения личного или имущественного характера предусматриваются санкцией соответствующей нормы права, ряд авторов определяет юридическую ответственность как санкцию за правонарушение, вызывающую для нарушителя отрицательные последствия. Действительно, семейное законодательство предусматривает возможность наступления юридической ответственности санкцией соответствующей нормы права (например, ст. 69 СК РФ «Лишение родительских прав», ст. 73 СК РФ «Ограничение родительских прав», ст. 115 СК РФ «Ответственность за несвоевременную уплату алиментов»). Отрицательные последствия для правонарушителя установлены в ст. 71 СК РФ: родители, лишённые родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они лишены родительских прав; в ст. 74 СК РФ указано, что родители, родительские права которых ограничены судом, утрачивают право на личное воспитание ребенка. Таким образом, санкция является лишь частью правовой нормы, и она не может отождествляться с

юридической ответственностью. Мера государственного принуждения, применяемая за правонарушение, также может рассматриваться как санкция. Следовательно, понятие «санкция» - многозначная категория, в которую вкладывается различное значение» [12].

Для «семейно-правовой ответственности, как и для юридической ответственности в целом, характерно, что она является мерой государственного принуждения, которая выражается в отрицательных последствиях для правонарушителя, наступающих в виде ограничения личного и имущественного порядка. «Она - реакция общества и государства на правонарушение» [52, с. 205].

Укажем, что одним из оснований для применения крайней меры семейно-правовой ответственности является жестокое обращение с детьми. В Постановлении Пленума ВС РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 содержится понятие жестокого обращения с ребенком, но форм выражения психического насилия не предусмотрено. Соответственно, появляется проблема реализации крайней меры ответственности по рассматриваемому основанию. Рассматривая психическое насилие следует обратиться к теоретическим разработкам. Ряд исследователей утверждают, что «содержательную сторону психического насилия составляет только угроза физического насилия» [26, с. 27]. Другие ученые относят к формам выражения психического насилия угрозы причинения имущественного вреда и лишения каких-либо благ. Представляется, что уяснение понятия психического насилия будет способствовать обеспечению более точного соотнесения действий родителя с рассматриваемым основанием лишения его прав.

Итак, «при характеристике семейно-правовой ответственности основное значение придается двум сущностным характеристикам: 1) это всегда следствие правонарушения и 2) в результате совершенного правонарушения для правонарушителя должны наступать определенные отрицательные, нежелательные последствия.

Все эти признаки и характеристики с их специфическими для семейного права особенностями в ретроспективном аспекте достаточно подробно изучены и проанализированы в работах ученых, упомянутых выше в настоящем исследовании. Обратимся к судебной практике по искам о признании брака недействительным» [31].

«В Правобережный районный суд г. Липецка направлено обращение Управления опеки (попечительства) и охраны прав детства администрации г. Липецка в суд с иском в интересах Фарафоновой М.А. к Черневу А.Г. о признании брака недействительным.

В обоснование иска заявитель ссылается на то, что решением Правобережного суда г. Липецка Фарафонов М.А. была признана недееспособной, однако она заключила брак с Черневым А.Г. Истец просит признать недействительным брак, заключенный между Фарафоновой М.А. и Черневым А.Г.

Опекун Фарафоновой М.А., признанной недееспособной по решению суда, объяснил, что его о своем намерении заключить брак с ответчиком Фарафонов М.А. в известность не ставила, исковые требования им поддержаны» [33].

Заслушав участвующих в рамках производства лиц, судебный орган сделал соответствующие выводы. «В соответствии со ст. 14 СК РФ не допускается заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно лицо признано судом недееспособным вследствие психического расстройства.

Согласно п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» перечень оснований для признания брака недействительным, а содержащийся в п. 1 ст. 27 СК РФ, является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию; к таким основаниям относятся нарушение установленных законом условий заключения брака (ст. ст. 12, 13 СК РФ); наличие при заключении брака обстоятельств, препятствующих его заключению (ст. 14 СК РФ).

Материалами дела установлено, что между Фарафоновой М.А. и Черневым А.В. зарегистрирован брак Правобережным отделом Управления загса администрации г. Липецка, актовая запись № 231. С учетом анализа материалов дела, объяснений участников процесса судом установлено, что на момент регистрации брака между Фарафоновой М.А. и Черневым А.В. Фарафорова М.А. уже была признана судом недееспособной в связи с наличием психического заболевания.

При таких обстоятельствах суд считает подлежащими удовлетворению исковые требования о признании недействительным брака и принимает законное и обоснованное решение о признании недействительным зарегистрированного органом загса брака» [33].

Таким образом, «государство в качестве властвующего субъекта в лице суда как правоприменительного органа, признавая брак недействительным, применяет такие меры гражданско-правового воздействия (защиты), как восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Полагаем, что такие способы гражданско-правовой защиты могут рассматриваться и как меры семейно-правовой ответственности, применяемые к лицам, брак которых признан недействительным, в особенности к лицу, действующему недобросовестно, т.е. осведомленному о наличии условий, препятствующих заключению брака» [10, с. 24].

Рассмотрим также показательный пример из судебной практики по спорам в отношении признания брака недействительным, в котором отменены принятое решение и апелляционное определение, явившиеся необоснованными и незаконными. Обратимся к Постановлению Президиума Московского городского суда от 29 мая 2015 г. по делу № 44г-40.

«Президиум Московского городского суда рассмотрел в заседании по докладу судьи Ключевой А.И. истребованное по кассационной жалобе Д.Н. гражданское дело по иску К.И.В. к Д.Н. (К.Н.С.) о признании брака недействительным. Гагаринский районный суд г. Москвы от 11 декабря 2013 г. принял решение о признании недействительным брака,

зарегистрированного между К.И.В. и Д.Н. в Богородском отделе ЗАГС Управления ЗАГС Москвы, актовая запись №, аннулировании актовой записи о регистрации брака между К.И.В. и Д.Н. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 декабря 2014 г. решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 11 декабря 2013 г. оставлено без изменения.

В кассационной жалобе Д.Н. просит отменить состоявшиеся по делу судебные постановления. В обоснование жалобы приведены доводы, что признание брака недействительным необходимо ее супругу для лишения ее права на имущество. Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы и определения о передаче кассационной жалобы с делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, выслушав представителей Д.Н. К.И.А. и А.Т. по доверенности, Президиум Московского городского суда находит доводы, изложенные в кассационной жалобе обоснованными, а состоявшиеся по делу судебные постановления - подлежащими отмене по следующим основаниям.

На основании ч. 1 ст. 27 СК РФ брак признается недействительным при нарушении условий, установленных ст. ст. 12 - 14 и п. 3 ст. 15 настоящего Кодекса, а также в случае заключения фиктивного брака, т.е. если супруги или один из них зарегистрировали брак без намерения создать семью.

Тот факт, что между сторонами не сложились семейные отношения, не может служить основанием для признания брака недействительным.

При таких данных решение суда от 11 декабря 2013 г. нельзя признать законным и обоснованным, решение суда вынесено с существенными нарушениями норм материального и процессуального права, которые влияют на исход дела, нарушают права ответчицы, в связи с чем указанное решение суда вместе с оставившим данное решение без изменения Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 декабря 2014 г. подлежат отмене, а дело направлению в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 387, 388, 390 ГПК РФ, Президиум Московского городского суда абсолютно справедливо отменил решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 11 декабря 2013 г. и Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 декабря 2014 г., а дело направил на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе суда» [30].

Полагаем, что признание брака недействительным в данном судебном примере может рассматриваться как мера семейно-правовой ответственности, как санкция за семейное правонарушение или как злоупотребление семейными правами одного из супругов - участника брачно-семейного правоотношения.

Многие исследователи сожалеют о том, что большинство семейных правонарушений остаются безнаказанными: «Действительно, если считать, что лицо, исполнившее обязанность под принуждением в том же объеме, в каком она существовала до этого, уже понесло ответственность, то не возникает вопроса о его действительном наказании. В результате участники семейных отношений не стимулировались к исполнению обязанностей добровольно, т.к. знали, что в случае неисполнения они практически ничем не рискуют» [58, с. 22]. То есть «сторонники ретроспективного подхода к семейно-правовой ответственности считают обязательным признаком самостоятельности выделяемого вида ответственности наличие специфических мер наказания за правонарушение. При поверхностном изучении норм СК РФ может показаться, что таковых в нем нет. Но такое мнение ошибочно. При более детальном анализе правового регулирования брачно-семейных отношений можно выявить, что семейное законодательство РФ, регулируя отношения, которые основаны на нравственных началах, предоставляет право привлекать к ответственности участников семейных правоотношений на основе норм другой отраслевой принадлежности. В СК РФ содержится достаточное количество отсылочных норм, в которых указывается на жесткие предписания. Нормами таких отраслей права, как

уголовное, административное или гражданское, необходимо руководствоваться правоприменительному органу для привлечения к ответственности лица, виновного в совершении семейного правонарушения» [9].

Вместе с этим, «при применении таких мер защиты, как лишение родительских прав, признание брака недействительным, отмена усыновления, опеки, расторжение договора о приемной семье по вине приемных родителей, признание недействительным договора суррогатного материнства и возмещение убытков и другие меры защиты нарушенных прав, могут возникнуть и некоторые обременения для виновной стороны, но свое закрепление они находят также в нормах других законов. Так, родители, лишённые родительских прав, не могут наследовать за своими детьми; иностранный гражданин, имеющий несовершеннолетнего ребенка - гражданина Российской Федерации и получивший на этом основании разрешение на временное проживание, в случае лишения родительских прав теряет право на временное проживание в Российской Федерации; признание брака между гражданином Российской Федерации и иностранным гражданином недействительным влечет отмену решения о выдаче такому иностранному гражданину вида на жительство или приема в гражданство и т.д.» [1, с. 32].

Таким образом, «неблагоприятные последствия и обременения преимущественно определены не нормами СК РФ, а предписаниями других нормативно-правовых актов. Тот факт, что при рассмотрении гражданско-правовых дел, вытекающих из брачно-семейных правоотношений, судами применяются не только меры защиты, предусмотренные СК РФ, но и привлечение нарушителя к административной или уголовной ответственности за правонарушения или преступления, предусмотренные ст. ст. 5.35 - 5.37, 6.17, 6.21, 6.23 КоАП РФ, ст. ст. 150 - 157 УК РФ, ст. ст. 151, 1064, 1073 - 1075, 1099 ГК РФ, следует рассматривать не как доказательство отсутствия семейно-правовой ответственности как самостоятельного вида, а как особенность

реализации ее ретроспективного аспекта, проявления действия межотраслевых связей семейного права и других отраслей права и законодательства» [51, с. 80].

Особенностью «семейных правоотношений является их длящийся характер, следовательно, позитивная (положительная) семейно-правовая ответственность будет длиться вместе с ними до их окончания (расторжения брака, лишения родительских прав, отмены усыновления, прекращения (расторжения) семейно-правового договора, смерти члена семьи). При этом в случае возникновения конфликта или нарушения баланса интересов участники правоотношения могут воспользоваться мерами защиты своего нарушенного права. Восстановление нарушенного права, принуждение исполнения обязанности в полном объеме без дополнительных обременений, как уже говорилось выше, не является наказанием в юридическом смысле и должно рассматривается как реализация позитивного аспекта семейно-правовой ответственности - обеспечение государственным принуждением в том числе.

Но как только баланс интересов нарушен настолько, что это наносит значительный ущерб интересам семьи, причиняет вред кому-либо из ее членов, или один из членов семьи уклоняется от выполнения обязанностей, вступает в свою «активную фазу» ретроспективная ответственность, включая в действие охранительный механизм, возможность применения мер государственного принуждения, санкций, т.е. наказания в юридическом смысле. Задействуется (реализуется) властный публичный механизм, основанный на мерах государственного принуждения. Обычно если такие нарушения носят разовый характер, участники правоотношений сами могут урегулировать конфликтную ситуацию, сложившуюся в брачно-семейной сфере. Полагаем, что возможность урегулирования спора посредством переговоров, взаимных уступок, применения процедуры медиации весьма эффективна при урегулировании семейных конфликтов» [13, с. 192].

Считаем, что «ретроспективный механизм наказания осуществляется посредством применения санкций, реализации механизма государственного принуждения. Семейные правонарушения, установленные нормами брачно-семейного законодательства, имеющие существенных характер, нарушают права членов семьи (общественно опасны), и нарушается (создается угроза нарушения) не только частных, но и публичных интересов, например, при неисполнении родителями возложенных на них родительских обязанностей. Возможно, что правонарушение в брачно-семейной сфере достигает определенной «критической массы» (злостное уклонение от уплаты алиментов, жестокое обращение с детьми, уклонение от исполнения обязанностей, установленных семейно-правовым договором и другие противоправные действия).

Ретроспективная семейно-правовая ответственность также реализуется в рамках семейного правоотношения: возникая в рамках семейного правоотношения, она длится до его полного прекращения (расторжение брака, признание брака недействительным, расторжение договора о приемной семье, отмена усыновления, лишение родительских прав, смерть), а в исключительных случаях и после прекращения семейного правоотношения (лишение родительских прав, возмещение причиненных убытков бывшим членом семьи, например, супругом, компенсация морального вреда и в других случаях» [19, с. 40].

Таким образом, «к мерам семейно-правовой ответственности относятся:

- признание брака недействительным;
- лишение и ограничение родительских прав;
- отмена усыновления, опеки, попечительства;
- досрочное расторжение договора о передаче ребенка в приемную семью либо в детский дом семейного типа;
- лишение права на общение с ребенком, отобрание ребенка;
- лишение права одного из супругов на равную часть при разделе совместно нажитого имущества;

- лишение или ограничение права субъекта семейного права на получение алиментов;
- лишение права быть усыновителем, опекуном, попечителем, приемным родителем» [13, с. 60].

Гражданско-правовая ответственность «носит имущественный характер предназначена для выполнения восстановительной функции, она применяется, как правило, за семейные имущественные правонарушения. К мерам гражданско-правовой ответственности в семейном праве относятся:

- взыскание неустойки при образовании задолженности по вине плательщика алиментов;
- возмещение убытков (допускается при признании брака недействительным);
- компенсация морального вреда при признании брака недействительным;
- признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности в случае распоряжения одним супругом совместным имуществом без согласия другого;
- лишение права на наследование по закону родителя в случае смерти его детей, в отношении которых лицо было лишено родительских прав и не восстановлено в этих правах до открытия наследства;
- лишение родителя, лишённого родительских прав, права пользования жилым помещением лица, которое не принадлежит ему на праве собственности» [13, с. 62].

Административная ответственность в семейном праве выполняет карательную функцию, при этом ее применение имеет свои особенности.

Так, только одна статья КоАП РФ (ст. 5.35) предусматривает наложение административного штрафа за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних семейно-правовых обязанностей по воспитанию ребенка, то есть за совершение семейного правонарушения.

Эта «мера является предупредительной для безответственных родителей. Административные меры ответственности предусмотрены за нарушения в области устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Комплекс административных мер ответственности предусмотрен семейным и административным законодательством за нарушение административных правоотношений. Однако все эти правоотношения в конечном счете нацелены на защиту субъективных прав ребенка семейно-правового характера – это отношения по выявлению, учету и устройству детей, оставшихся без попечения родителей» [13, с. 64].

Уголовно-правовая ответственность в семейном праве носит публично-правовой карательный характер. Основными мерами этой ответственности являются санкции, которые применяются к родителям и лицам, их заменяющим, за вовлечение ребенка в совершение преступления, в совершение антиобщественных действий; неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних; злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей.

2.2 Проблемы реализации мер семейно-правовой ответственности

Стадия реализации, как указывают авторы, - «основная и самая динамичная, специфическая стадия, где наиболее полно проявляется единство позитивного и ретроспективного аспекта. Основанием ответственности на стадии реализации служит поведение субъектов семейного правоотношения. Если поведение правомерное, то следует говорить об активном проявлении позитивного аспекта. Более того, здесь семейно-правовая ответственность реализуется в рамках так называемых «межличностных правоотношений», где субъектами являются члены семьи. Если же поведение неправомерное, реализуется ретроспективный аспект. При этом совершенное правонарушение не является основанием для возникновения ответственности - все это время

семейно-правовая ответственность уже существует в рамках семейного правоотношения» [59, с. 48].

Гораздо «эффективнее рассматривать семейное правонарушение как основание для привлечения к ответственности. При этом следует говорить о начале так называемого «властеотношения» между правонарушителем и государством - реализуется оно только через правоприменительный процесс. Процессуальная (процедурная) сторона ответственности наиболее полно изучена сторонниками ретроспективного подхода. Исследованию данных вопросов посвящены диссертационные исследования, а О.Н. Людвикивич выделяет ее в самостоятельную стадию ответственности» [20, с. 22]. По нашему убеждению, привлечение к ответственности в сфере семейных отношений – является этапом ее реализации, а точнее - ее ретроспективного характера.

Так, «в соответствии с решением судебного участка № 1 Сенгилеевского района Ульяновской области от 22 января 2015 г. № 2-7/2015 судом установлено, что в соответствии с судебным приказом мирового судьи судебного участка № 1 Сенгилеевского района от 3 июня 2008 г. ответчик должен производить ежемесячные выплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей Белоглазовой В.А., Белоглазовой А.А. в размере 1/3 части всех видов заработка до их совершеннолетия. Ответчик от уплаты алиментов уклоняется, имеет задолженность по алиментам по состоянию на 23 декабря 2014 г. в размере 614 868 рублей 75 коп. Указанное отражено в постановлении судебного пристава-исполнителя о расчете задолженности от 23 декабря 2014 г.

В соответствии с ч. 2 ст. 115 СК РФ при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, виновное лицо уплачивает получателю алиментов неустойку в размере 0,1, а с 3 июля 2008 г. (в связи с изменением действующего законодательства) - 0,5% от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки.

Как справедливо и обоснованно указывается в семейно-правовой науке, в соответствии с п. 4 ст. 113 СК РФ размер задолженности по алиментам, уплачиваемым на несовершеннолетних детей в соответствии со ст. 81 СК РФ, определяется исходя из заработка и иного дохода лица, обязанного уплачивать алименты, за период, в течение которого взыскание алиментов не производилось. В случаях, если лицо, обязанное уплачивать алименты, в этот период не работало, и, если будут представлены документы, подтверждающие его заработок и (или) иной доход, задолженность по алиментам определяется исходя из размера средней заработной платы в Российской Федерации на момент взыскания задолженности.

Поскольку ответчик уклоняется от уплаты алиментов, на основании ст. 115 СК РФ суд полагает необходимым взыскать с него неустойку в пользу получателя алиментов.

Как видно из представленного истцом расчета, сумма неустойки за несвоевременную уплату ответчиком алиментов за период с 1 января 2014 г. по 23 декабря 2014 г. составляет 113 112 рублей 69 коп., исходя из 0,5% за каждый день просрочки от суммы невыплаченных алиментов. Данный расчет суммы неустойки суд находит правильным и обоснованным.

Таким образом, с ответчика в пользу получателя алиментов подлежит взысканию неустойка за несвоевременную уплату алиментов в размере 113 112 рублей 69 коп.» [36].

Полагаем, что на стадии привлечения к ответственности актуальной становится оценка поведения субъектов правоотношения - оценка ими своего собственного поведения, поведения другого субъекта, а также оценка этого поведения государственными органами в случае невозможности урегулирования возникшего конфликта собственными силами. Именно элемент оценки М. Р. Загидулин справедливо считал основным, позволяющим объединить ретроспективный и позитивный аспекты юридической ответственности, когда формулировал ее определение как юридической оценки правового поведения [8, с. 107].

Автор полагал, что «спецификой семейно-правовой ответственности служит не только наличие этой оценки, а то, что по большей части именно участникам семейно-правового отношения предоставляется возможность оценить «качество» выполнения взаимных обязательств, определить ту грань, когда поведение партнера становится нарушением права. Конечно, такая оценка по большей части субъективна, поэтому с целью не допустить самоуправства и злоупотребления правом СК РФ устанавливает судебный порядок урегулирования семейных конфликтов. За защитой права в компетентный государственный орган может обратиться любой участник семейного правоотношения, чувствующий себя «ущемленным» в правах, и только суд должен определять «степень тяжести» семейного правонарушения и адекватную меру воздействия, соответствующую тяжести правонарушения, вытекающего из нарушения норм брачно-семейного законодательства. В большинстве случаев нарушенное право будет тем или иным способом восстановлено, а правонарушитель, как правило, привлечен к юридической ответственности, противоправные действия будут прекращены. При наличии состава семейного правонарушения, как правило, в случае установления вины участника семейного правоотношения, он может быть наказан, реализуется санкция семейно-правовой нормы, т.е. ретроспективный аспект получает наиболее типичную форму своей реализации - применение мер государственного принуждения, наказания» [8, с. 120].

Вышеназванные суждения могут быть объяснены и доказаны на примере применения такой меры семейно-правовой ответственности, как признание брака недействительным.

В ст. 27 СК РФ «устанавливаются основания для признания брака недействительным. При регистрации брака работник органов загса проверяет отсутствие препятствий для вступления в брак и наличие всех предусмотренных законом условий, супруги предупреждаются о последствиях несоблюдения установленных законом норм и становятся участниками длящегося правоотношения. На данном этапе - стадии

установления и возложения ответственности - норма ст. 27 СК РФ работает «пассивно»: содержит предупреждение о возможном наказании, реализует позитивный аспект ответственности, «стимулируя» правомерное поведение.

При этом, работать в негативном своем аспекте нормы о признании брака недействительным начинают в момент, когда выявляется собственно нарушение условий вступления в брак. Но рассматривать эти нормы только с ретроспективной точки зрения было бы неверно с юридической позиции.

Конечно, анализируя судебную практику, можно прийти к выводу, что признание брака недействительным - мера наказания правонарушителя. Аннулируя сами правоотношения и все юридические последствия возникших таким образом правоотношений, закон лишает правонарушителей «доступа» к тем возможностям, которые открывает возникшее в момент регистрации такого брака право на чужое действие в интересах «семьи». В этом смысле лишение права - наказание для участников такого «неправильного» правоотношения, пресечение неправомерных действий. При этом нельзя упускать из виду, что с точки зрения государства, установившего императивную норму, правонарушитель лишь возвращается в то состояние, которое было у него до брака - никаких штрафных санкций за регистрацию такого брака для супругов законом не предусмотрено. Следовательно, в данном случае применение такой меры защиты со стороны государства направлено на особую охрану института семьи и брака как наиболее значимого для отдельно взятой семьи и общества в целом» [63, с. 28].

Таким образом, при выявлении нарушения императивных норм СК РФ имеет место применение нормы о признании брака недействительным и как меры наказания для участников возникшего семейного правоотношения, и как меры защиты государственного института регистрации брака. Но М.В. Антокольская совершенно справедливо отмечает, что в данном случае важно установление степени вины сторон, заключающих брак [41, с. 117].

Действительно, «если имело место намеренное введение в заблуждение, заключение брака без намерения создать семью, принуждение к вступлению в

брак и т.п., то возникает вопрос - какие дополнительные обременения СК РФ предусматривает для виновной стороны, если правоотношения восстанавливаются в то состояние, которое существовало до заключения брака? Если виновны обе стороны (например, был заключен фиктивный брак в целях получения одним из супругов гражданства) - при признании такого брака недействительным оба супруга не несут никаких дополнительных обременений, предусмотренных СК РФ. Правонарушитель лишь направляется в правовое поле, государство обязывает действовать его правомерно, не нарушая запреты, соблюдая условия, установленные семейным законодательством. Более того, аннулирование решения о приеме в гражданство Российской Федерации по этому основанию - мера «наказания», предусмотренная нормами другого федерального закона, и обычно она затрагивает только одну из сторон правоотношения, хотя виновны оба» [38, с. 41].

Когда вина лишь у одного субъекта, «брак все равно будет признан недействительным. В этом случае можно говорить о дополнительных обременениях, которые могут быть наложены судом на виновную сторону - обязать виновного супруга обеспечить содержание невиновному, признать частично действительным брачный договор и т.д. Более того, добросовестный супруг вправе требовать компенсации морального вреда.

При этом следует руководствоваться нормами СК РФ, которые предусматривают возможность субсидиарного применения норм гражданского законодательства, отдельных специальных законов. Безусловно, для виновной стороны это будет обременением - лишение права требовать действий в своем интересе от другой стороны и обязанность выплачивать денежную компенсацию за моральный вред или содержание супруга. Но для защиты нарушенных прав добросовестной стороны применяются такие меры, как восстановление в праве, компенсация морального вреда, пресечение действий, нарушающих право.

Признание брака недействительным является крайней мерой воздействия на правонарушителя, когда он принудительно исключается из семейных правоотношений, высшая степень реализации семейно-правовой ответственности. При этом нельзя однозначно утверждать, что реализация данной нормы направлена только на наказание правонарушителей или только на защиту добросовестных участников правоотношений. Более того, в некоторых случаях возможно «оздоровление» такого брака, т.е. полная реабилитация правонарушителей и придание юридической силы таким правоотношениям» [4, с. 104]. Здесь, прежде всего, осуществляется переход отрицательного аспекта реализации ответственности в рассматриваемой сфере, в положительный.

Представляет интерес мнение И.С. Штода, что «развитие юридической ответственности может прекратиться на любой ее стадии в связи с применением юридических норм, образующих институт освобождения от юридической ответственности. Под освобождением от ответственности следует считать устранение неблагоприятных правовых последствий для лица, совершившего правонарушение» [60, с. 45].

В рамках концепции ретроспективной ответственности, это утверждение, безусловно, отражает один из сущностных признаков рассматриваемого подхода, но в нашем случае оно не вполне справедливо. Освобождение от семейно-правовой ответственности возможно только при полном разрушении семейного правоотношения (смерть, развод, признание брака недействительным и т.д.) и только в том случае, если оно не породило более длительных обязательств по содержанию ребенка или нетрудоспособного члена семьи. Поэтому правильнее было бы говорить об основаниях освобождения от наказания за совершенное семейное правонарушение (в случае, например, психической болезни родителя), либо об освобождения от предусмотренной законом обязанности (освобождение ребенка от обязанности содержать нетрудоспособного родителя в случае уклонения его (родителя) от воспитания).

Опираясь на это, «нельзя согласиться с предложением о делении юридической ответственности (в особенности применительно к семейно-правовой ответственности) на реализованную и нереализованную. Семейно-правовая ответственность реализуется в любом случае независимо от того, выявлен и наказан правонарушитель с применением норм других отраслей права либо к нему применены меры защиты, являющиеся инструментом реализации позитивного аспекта семейно-правовой ответственности, проявлением активного правомерного поведения одного из субъектов правоотношения, либо не выявлен правонарушитель или к нему по каким-либо причинам неприменимы меры воздействия или наказания. Реализация семейно-правовой ответственности все равно происходит, т.к. за основу берется не совершение правонарушения, а правомерное или неправомерное поведение» [6, с. 20].

Законодательные положения, касающиеся элементов семейно-правовой ответственности, в комплексе образуют отдельный семейно-правовой институт: она по сути является государственным принуждением, в связи с тем, что ее реализация происходит посредством властных полномочий судебных или иных компетентных органов (опеки). Соответственно, она обладает государственно-принудительным свойством; она влечет за собой возникновение отрицательных последствий для правонарушителей, установленных в санкции соответствующей нормы.

«Реализацией наказания не только не прекращается реализация юридической ответственности, - считает А.П. Чирков, - а, напротив, после него достигает своего апогея, своего социально-правового целеполагания» [56, с. 37].

Вместе с этим, стадия реализации максимально раскрывает возможности семейно-правовой ответственности, т.к. на этой стадии воздействие норм права на поведение субъектов из области их внутреннего сознания переводится на «внешний» уровень властеотношения. Задача, стоящая перед правовым институтом на этой стадии, - привлечь к

ответственности, что подразумевает не простое воздействие текста закона на сознание субъекта, а активные действия по «водворению» его в определенные правовые рамки.

Другой важной задачей на этом этапе является необходимость защиты нарушенного права, что обеспечивается возможностью обращения пострадавшей стороны в суд.

Анализ судебной практики показывает, что на данном этапе целью применения к правонарушителям санкций Семейного кодекса является восстановление нарушенного права или правоотношения. Например, требование возврата ребенка от лиц, неправомерно удерживающих его, требование восстановления родительских прав, требование установления отцовства или материнства и т.д. направлены именно на защиту, восстановление нарушенного права.

Даже такая крайняя мера, как лишение родительских прав или отмена усыновления, расторжение договора о приемной семье, развод, признание брака недействительным и т.п., исключая субъектов из правоотношения, как уже неоднократно говорилось выше, прежде всего защищает «слабую» сторону правоотношения, восстанавливает право этой стороны на «здоровые» правоотношения, которые могут быть реализованы позже или иначе [5], т.е. при заключении другого брака, помещении ребенка в иную приемную семью и т.д.

Таким образом, правонарушение в сфере семейного права не служит в качестве основания возникновения семейно-правовой ответственности. Совершенное на этапе реализации, оно только запускает процесс привлечения к ответственности, при этом правоотношения между субъектами семейного права перерастают во властные отношения.

В связи с этим отсутствует нереализованная либо реализованная ответственность в семейном праве.

Такая ответственность постоянно преобладает в рамках действующего семейного правоотношения, и будет существовать до прекращения последнего по каким-либо основаниям.

Особенность реализации рассматриваемого вида ответственности состоит в том, что при «разрушении» семейных правоотношений, свойственная им ответственность трансформируется в гражданско-правовую. Наряду с этим возможен и обратный процесс - перерождение ретроспективной ответственности в позитивную. Это наступает в связи с особенностями семейно-правовых норм, когда меры защиты в тот же время выступают в качестве мер ответственности, и соответственно, заключают в себе как ретроспективные (санкции), так и позитивные (восстановление права) аспекты. Семейно-правовая ответственность исчерпывается только в связи с прекращением соответствующих правоотношений.

3 Перспективы развития мер семейно-правовой ответственности

3.1 Анализ судебной практики в области семейно-правовой ответственности

Особенности семейно-правовых связей (продолжительность, безвозмездность и др.) отражают специфику семейно-правовых санкций, обладающих лично-правовым характером, являющихся, в большей части, неимущественными и безальтернативными, сочетающими в себе моральное осуждение с юридической ответственностью.

Этому соответствуют и меры ответственности: лишение родительских прав, признании недействительности брака и т.п.

Очень обширна в сфере семейного права практика по признанию недействительности брака, по причине отсутствия реального стремления к созданию семьи. Обратимся к материалам ряда судебных дел.

Так, «судебная коллегия по гражданским делам Ульяновского областного суда рассмотрела дело по апелляционным жалобам Набиева Ш.А., Решетовой Е.В. на решение Барышского городского суда Ульяновской области от 3 декабря 2014 г., которым постановлено признать брак, зарегистрированный 15 мая 2012 г. между гражданином Республики Узбекистан Набиевым Ш.А. и гражданкой России Решетовой Е.В., недействительным со дня его заключения.

Решением Барышского городского суда было постановлено признать брак между вышеуказанными гражданами недействительным со дня его заключения.

В апелляционной жалобе Набиев Ш.А. и Решетова Е.В. выражают несогласие с решением суда. В обоснование доводов жалобы ссылаются на то, что брак между ними был зарегистрирован с целью создания семьи, а суд принял необоснованное решение» [2].

Проведя оценку всего объема представленных доказательств в их комплексе, в т. ч. объяснений субъектов и свидетельских показаний, «суд первой инстанции, установив, что Набиев Ш.А. и Решетова Е.В. с момента заключения брака и до для вынесения решения совместно не проживали, общих детей не имеют, совместного хозяйства не вели и не ведут, пришел к обоснованному выводу о фиктивности заключенного ответчиками брака.

В соответствии со ст. 27 СК РФ брак признается недействительным при нарушении условий, установленных ст. ст. 12 - 14 и п. 3 ст. 15 СК РФ, а также в случае заключения фиктивного брака, т.е. если супруги или один из них зарегистрировали брак без намерения создать семью.

Таким образом, фиктивным признается брак, заключенный без намерения создать семью, согласие на заключение фиктивного брака не выражает подлинной воли сторон. Стороны преследуют цель заключения брака только для формы, без намерения фактически установить семейные отношения, и целью регистрации такого брака является получение каких-либо прав и преимуществ, вытекающих непосредственно из самого факта регистрации брака» [2].

Эти обстоятельства имели место при заключении брака между Набиевым Ш.А. и Решетовой Е.В., которые фактически не преследовали цели создания семьи. Как верно указано городским судом, бесспорных доказательство того, что ответчики вели общее хозяйство, имели единый общий бюджет, приобретали имущество для совместного пользования, производили совместные покупки для семейной жизни и в конечном счете имели цель создать семью, суду представлено не было.

Более того, «действия Набиева Ш.А. свидетельствуют о преследовании иных целей: 7 августа 2012 г., т.е. через два месяца после заключения брака с Решетовой Е.В., последовало его обращение в УФМС России по Ульяновской области о выдаче разрешения на временное проживание без учета квоты. При этом Набиев Ш.А. предоставил свидетельство о регистрации брака с гражданкой России и ссылался на это как на основание для получения

разрешения на временное проживание. Данное обращение послужило основанием для выдачи 25 сентября 2012 г. Набиеву Ш.А. разрешения на временное проживание № до 25 сентября 2015 г.

При таких обстоятельствах, на основе фактических обстоятельств дела суд обоснованно и объективно сделал справедливый вывод о фиктивности заключенного брака между вышеуказанными гражданами. С указанными выводами судебная коллегия соглашается. С учетом изложенного решение суда является законным и обоснованным и отмене по доводам апелляционных жалоб не подлежит.

Таким образом, судебной коллегией было принято решение оставить решение Барышского городского суда Ульяновской области без изменения, а апелляционные жалобы - без удовлетворения» [2].

Дела, касающиеся воспитания детей, - одни из наиболее сложных категорий, подсудных судам общей юрисдикции. Прежде всего, следует отметить, что понятие исключительности такой меры семейно-правовой ответственности, как лишение родительских прав, не имеет легального закрепления. Правоприменителям остается лишь трактовать данную категорию исходя из общих представлений о праве, основываясь на трудах ученых-правоведов, заслуженных деятелей науки, а также изучая судебную практику по данным спорам. Стоит поддержать убеждение С.В. Зыкова, что «исключительность лишения родительских прав должна быть не только установлена доктринально или в порядке общих разъяснений, но и получить прямое легальное закрепление» [11, с. 10].

Особую сложность представляет надлежащее осуществление родительских прав лицами, находящимися под стражей, или лицами, осужденными приговором суда к наказанию в виде лишения свободы. Суду, разрешающему вопрос лишения родительских прав в отношении такого лица, предстоит выяснить, какие меры данное лицо предприняло для надлежащего исполнения возложенных обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка. Безусловно, что в случае, если до помещения под стражу лицо не

исполняло родительские обязанности и в период нахождения под стражей данное поведение не изменилось, вопросов об основаниях лишения родительских прав у суда не возникнет. Необходимо определить, имеются ли основания, предусмотренные ст. 69 СК РФ, для лишения родительских прав лица, находящегося под стражей, если оно, допустим, поздравляет ребенка с праздниками посредством направления корреспонденции, но иным образом не принимает участия в воспитании и содержании ребенка. Данный вопрос останется на усмотрение суда. Нельзя согласиться, что сам факт нахождения в местах лишения свободы является уважительной причиной уклонения от исполнения родительских обязанностей. Однако в судах по данному вопросу сформировалась различная практика.

Например, «решением Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 22 мая 2018 г. К. лишена родительских прав в отношении своего несовершеннолетнего ребенка. Иск был предъявлен учреждением социального обслуживания, в котором находился ребенок, к обоим родителям. На момент предъявления иска отец ребенка находился в местах лишения свободы. Родители, по мнению стороны истца, полностью уклонились от воспитания и содержания ребенка, никаких действий по возвращению ребенка в семью не предпринимали. В мотивировочной части решения суд указал о том, что для лишения родительских прав матери имеются достаточные основания, но оснований для лишения родительских прав отца ребенка суд не усмотрел, поскольку ответчик отбывает наказание в виде лишения свободы, в связи с чем не имеет возможности осуществлять родительские обязанности, а также ответчик не имеет намерения отказываться от ребенка. Решение суда не обжаловалось» [34].

Вместе с этим, «апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия от 11 сентября 2018 г. отменено решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 27 июня 2018 г. по иску П. к В. о лишении родительских прав, которым суд первой инстанции предупредил отца ребенка о необходимости изменения

своего отношения к воспитанию несовершеннолетнего ребенка, отказав в удовлетворении иска. Судом первой инстанции установлено, что ответчик отбывает наказание в исправительной колонии строгого режима по приговору суда. Истица указывала, что ответчик не принимал участия в воспитании ребенка, не оказывал необходимой моральной и материальной помощи ребенку. Апелляционной инстанцией было установлено, что ответчик на момент предъявления иска имеет задолженность по уплате алиментов, хотя периодически был трудоустроен в различных должностях в местах отбывания наказания. Учитывая все обстоятельства дела, характеризующие данные ответчика, заключение прокурора, мнение несовершеннолетнего ребенка, суд апелляционной инстанции отменил решение Петрозаводского городского суда, лишив В. родительских прав в отношении несовершеннолетнего ребенка» [35]. Какие именно основания увидела Судебная коллегия для применения лишения родительских прав как крайней меры семейно-правовой ответственности в данном случае, которые не усмотрел суд первой инстанции, является вопросом к размышлению.

При этом следует обратить внимание, что исполняющим обязанности прокурора города были представлены возражения на апелляционную жалобу истца. Однако в судебном заседании апелляционной инстанции прокурор полагал решение суда подлежащим отмене с принятием нового решения об удовлетворении исковых требований. Как утверждает С.В. Тетюев - кандидат юридических наук, «задача прокурора - помочь суду вынести правильное решение, и изменение позиции прокурором после вынесения решения по делу справедливо критикуется в юридической науке» [50, с. 28]. Из этого следует, что заключение прокурора по делу не должно носить формальный характер, хотя, по замечанию В.Д. Милосавлевич, «участвуя в рассмотрении гражданских дел о лишении родительских прав по правилам ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, прокуроры активно пользуются процессуальными правами с целью разрешения споров в соответствии с положениями действующего семейного

законодательства, обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних» [22, с. 17].

В.В. Ершов полагает, что «правосудие возможно более обоснованно рассматривать как особый вид государственной деятельности, сущность которой состоит в рассмотрении и разрешении судами дел в соответствии, прежде всего, с принципами и нормами права, реализующимися в государстве, с целью защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и правовых интересов лиц, как участвующих, так и не участвующих в данном споре» [7, с. 381]. Для того чтобы в государстве соблюдались и защищались права несовершеннолетних детей, как того требует Конвенция о правах ребенка [17], следует законодательно закрепить цель лишения родительских прав. На сегодняшний день Верховным Судом России определено, что лишение родительских прав - это крайняя мера семейно-правовой ответственности, но цель лишения родителей прав в отношении своих детей не раскрыта. Полагаем, истинной целью лишения родительских прав является защита прав и законных интересов несовершеннолетних. Зачастую при знакомстве с судебными постановлениями складывается впечатление, что целью лишения родительских прав является некое наказание родителя за то, что он ненадлежащим образом исполняет обязанности по отношению к своему ребенку. В таких случаях осуществляемая судами функция обеспечения прав и свобод участников процесса переходит на второй план. Закрепление цели лишения родительских прав на законодательном уровне, по нашему мнению, поспособствует еще большему принятию судами решений, основанных на соблюдении прав и законных интересов, прежде всего, несовершеннолетних, защита которых находится под охраной государства.

Полагаем, что необходимо провести анализ аспектов, относительно оснований лишения родительских прав. В ст. 69 СК РФ первым таким основанием для использования исключительной меры, служит уклонение от исполнения обязанностей родителей, в т. ч. в случае злостной неуплаты алиментов. Однако полагаем, что трудно решить вопрос относительно того,

каким образом конкретные действия родителей следует рассматривать в качестве уклонения от исполнения обязанностей в отношении детей. Хотя на первый взгляд и возможно выявить, имело ли место уклонение родителя от своих обязательств, то не вполне ясно, как можно в точности определить, что данное основание непосредственно для лишения соответствующих прав, а не, для ограничения их, либо предупреждения о потребности скорейшего изменения отношения к обеспечению и воспитанию ребенка.

Зачастую происходит, что родители, совершая уклонение на протяжении какого-либо периода, под воздействием профилактических бесед, меняют свое отношение и более не допускают подобного отношения к ребенку. Представляется, что для лишения родительских прав необходима неоднократность уклонения от исполнения обязанностей. В связи с чем абз. 2 ст. 69 СК РФ следует предусмотреть в следующем виде: «...злостно уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов». Полагаем, это повысит эффективность защиты прав ребенка на семейное воспитание, поскольку предотвратит вероятность лишения соответствующих прав его родителей, в случае, когда последние однократно уклонились от воспитания. В то же время, вопрос о системности уклонения ставить нецелесообразно, поскольку пока орган по опеке будет подсчитывать, сколько раз родитель уклонился от воспитания ребенка, права несовершеннолетнего останутся незащищенными. Хотя вопрос о злостном и (или) системном уклонении родителя от воспитания является спорным. Например, П.А. Якушев полагает, что «предложение в юридической литературе заменить словосочетание «уклонение от выполнения обязанностей родителя» на «злостное и (или) систематическое уклонение от выполнения обязанностей родителя» является излишним, поскольку опасения лишения родительских прав за разовую незначительную провинность не основаны на реалиях российской судебной практики» [61, с. 34].

Еще одним основанием для применения крайней меры семейно-правовой ответственности является жестокое обращение с детьми, в том числе

осуществление физического или психического насилия над ними. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [29] содержится понятие жестокого обращения с ребенком, но форм выражения психического насилия в рамках Постановления Пленума ВС РФ не предусмотрено. Соответственно, появляется проблема реализации крайней меры ответственности по рассматриваемому основанию. Рассматривая психическое насилие следует обратиться к теоретическим разработкам. Ряд исследователей утверждают, что «содержательную сторону психического насилия составляет только угроза физического насилия» [26, с. 27]. Другие ученые относят к формам выражения психического насилия угрозы причинения имущественного вреда и лишения каких-либо благ. Мы соглашались с мнением Д.В. Попова, полагающего, что «при психическом насилии воздействие предполагает возникновение негативных последствий или возможности их наступления. Например, страха, стресса, ощущения опасности. Д.В. Попов также полагает, что обещание выгоды воздействует на психику не так, как действия при психическом насилии. При обещании выгоды возникают исключительно положительные эмоции, поднимается настроение ввиду предвкушения реализации представлений» [27]. Соответственно, полагаем, что уяснение понятия психического насилия будет способствовать обеспечению более точного соотнесения действий родителя с рассматриваемым основанием лишения его прав.

Как указывалось ранее, лишение родительских прав - это крайняя мера. Анализируя судебную практику, можно с уверенностью сказать, что суды полностью придерживаются данной точки зрения. В частности, в судебной практике Московского городского суда гораздо больше дел, разрешенных в пользу ответчика, чем дел, решения по которым вынесены в пользу истца [47].

Подводя итог, следует отметить, что, лишая родителя родительских прав, суд должен быть уверен, что иным образом защитить права несовершеннолетнего не представляется возможным. И будь то удовлетворение иска о лишении родительских прав или отказ в удовлетворении таких требований, весы должны перевесить в пользу защиты прав несовершеннолетнего.

3.2 Направления совершенствования законодательства в области семейно-правовой ответственности

Для совершенствования законодательства в сфере семейно-правовой ответственности и защиты прав участников данных правоотношений, целесообразно предусмотреть изменения в Семейном Кодексе РФ. В частности, раздел 1 данного правового акта, дополнить статьей 9.1 под названием «Семейно-правовая ответственность».

В рамках предлагаемой статьи следует предусмотреть дефиницию данного института. Так, под семейно-правовой ответственностью необходимо понимать предусмотренную в специальном порядке обязанность участника семейно-правового отношения, совершившего нарушение в данной сфере, претерпевать определенные лишения личного, материального либо организационного характера, сознательное выполнение предусмотренных законом обязанностей, вытекающих из брачных, родительских и иных родственных отношений, а при невыполнении их – это принудительное исполнение либо наложение соответствующих лишений и отрицательных последствий для виновного субъекта, установленных семейно-правовыми нормами и гарантируемых посредством применения государственного принуждения.

Для повышения возможности реализации семейно-правовой ответственности, в Семейном кодексе РФ следует также предусмотреть норму, устанавливающую ее виды, обособляемые исходя из оснований

возникновения. В частности, договорную, привлечение к которой возможно при наличии нарушений брачного соглашения, договора о приемной семье и др., и внедоговорную, привлечение к которой возможно исходя из закона. Также необходимо предусмотреть общие правила привила применения мер ответственности. Сказанное целесообразно предусмотреть путем введения ст. 9.2 СК РФ, где в части 1 установить, что семейно-правовая ответственность возникает в силу прямого указания закона, либо исходя из договора, заключенного субъектами брачно-семейных отношений. В части 2 указанной статьи следует предусмотреть, что привлечение к семейно-правовой реализуется по правилам, установленным СК РФ.

В рамках Постановления Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 г. № 10 [10] приводится разъяснение, в связи с которым органам правоприменения необходимо принимать во внимание, что такая мера, как лишение родительских прав, применима в крайних случаях. В то же время в ряде случаев, даже при наличии вины родителя, судебный орган, принимая во внимание особенности его личности, поведения и прочие важные обстоятельства, может не удовлетворять иска о лишении родительских прав. При этом следует указать ответчику на обязательность скорейшего изменения его отношения к воспитанию ребенка, и предусмотреть обязанность органов опеки по контролю за его исполнением соответствующих обязанностей. отказывая в иске о лишении родительских прав. В случае наличия соответствующих обстоятельств, отказывая в иске ответчику, суд правомочен, исходя из ст. 73 СК РФ, урегулировать вопрос относительно отобрания ребенка с передачей органам опеки. Это осуществляется исключительно в интересах ребенка.

Тем не менее, вышеотмеченная мера (предупреждение относительно потребности изменить отношение к воспитанию ребенка) не служит в качестве меры семейно-правовой ответственности, поскольку она не установлена Семейным кодексом РФ, а также по той причине, что несмотря на вынесенное предупреждение родителю и возложение обязанности по контролю за ним на

органы опеки, иск относительно лишения родительских прав так и остается не удовлетворенным.

Тем не менее, во многих ситуациях, хотя суд и отказывает органам опеки в лишении родительских прав, вышеуказанное предупреждение ответчика в рамках судебного процесса, служит весьма эффективным средством. Официальные обстоятельства, потенциальная вероятность лишения родительских прав обуславливают то, что родитель, в отношении которого вынесено соответствующее предупреждение, начинает осознавать свою ответственность за ребенка, делает необходимые выводы и более не позволяет себе подобного безответственного поведения.

Исследовав практику судов по разрешению этой категории дел, можно резюмировать о целесообразности введения в Семейный кодекс РФ норм, устанавливающих предупреждение граждан, игнорирующих выполнение родительских обязанностей и ущемляющих права детей, как самостоятельную меру семейно-правовой ответственности.

Вышеуказанную меру следует применять в случае непосредственной вины родителя в игнорировании своих обязанностей, если не существует потребности в изоляции ребенка в целях защиты его прав и интересов. В случае вынесения соответствующего предупреждения, органы опеки обязуются осуществлять контроль за добросовестным выполнением родительских обязанностей, продолжительность которого может составить до полугода.

На протяжении этого времени должностным лицам органа опеки предстоит наносить визит по месту жительства родителей, частотой не менее раза в месяц. Также на родителей посредством судебного решения могут быть возложены дополнительные условия, в частности, согласиться на лечение от алкогольной зависимости, игромании и др.

В случае, когда родители, до завершения срока действия предупреждения не изменили свой подход к воспитанию ребенка, представитель органа опеки, по прошествии полугода после вынесения

решения суда в отношении этих лиц, должен заявить иск о лишении родительских прав (или их ограничении), предъявив в судебном заседании доказательства о реализации мероприятий по проведению контроля за выполнением родительских обязанностей.

Таким образом, законодательное закрепление предупреждения родителей, недобросовестно относящихся к своим обязанностям и ущемляющих права ребенка, вероятность его использования как меры ответственности в семейном праве, не сопряженной с изоляцией несовершеннолетнего от родителей, могло бы побудить последних добросовестно выполнять свои обязанности, сохранив семью, избежав психологического травмирования ребенка, обеспечив условия для закрепления семейных связей.

Заключение

На основании исследования нами был сделан ряд следующих выводов.

В рамках СК РФ не предусмотрено термина «семейно-правовая ответственность», тем не менее, нехватка обобщающих норм касательно мер семейной ответственности, не должна рассматриваться оптимальным доводом, подвергающим сомнению существование данного института в соответствующей отрасли права. Также это следует признать существенным пробелом действующего закона.

Категории «ответственность в семейном праве» и «семейно-правовая ответственность» не следует отождествлять, так как вторая выступает разновидностью первой. Семейно-правовая ответственность - это вид правовой ответственности, а последняя выступает видом ответственности социальной.

Рассматриваемому виду ответственности присущ целый ряд признаков, характерных для иных видов правовой ответственности:

- ее использование происходит исходя из правового закрепления ее границ и объема, а также содержания, оснований и видов процессуальной реализации. Законодательные положения, касающиеся элементов семейно-правовой ответственности, в комплексе образуют отдельный семейно-правовой институт;
- она по сути является государственным принуждением, в связи с тем, что ее реализация происходит посредством властных правомочий судебных или иных компетентных органов (опеки). Соответственно, она обладает государственно-принудительным свойством;
- она влечет за собой возникновение отрицательных последствий для правонарушителей, установленных в санкции соответствующей нормы.

Меры рассматриваемого вида ответственности состоят в ограничении либо лишении определенных прав виновных субъектов, в связи с тем, что

принудительное воздействие на последних другим образом, произвести нельзя. Отрицательные последствия могут выражаться в форме лично-направленных лишений, в частности, в ограничении семейной правоспособности.

В качестве основания привлечения к ответственности в семейно-правовой сфере выступает соответствующее правонарушение, охватывающее своим составом те элементы, которые требуются для применения мер ответственности, а равно обстоятельства, относимые к основаниям применения мер такой ответственности действующим семейным законодательством. Следовательно, можно утверждать о множестве различных оснований для применения мер ответственности в рассматриваемой области правоотношений.

В качестве главного основания использования мер семейной ответственности служит состав правонарушения. Общими основаниями такой ответственности являются: неправомерность действий семейно-правового субъекта, в отношении которого семейно-правовая ответственность подлежит возложению; нанесение ущерба; наличие вины нарушителя; наличие причинной связи между неправомерными действиями лица и отрицательными последствиями. Вместе с этим, привлечь к семейно-правовой ответственности также вероятно в пределах нарушения с усеченным составом.

Полагаем, что с момента семейного правонарушения рассматриваемый вид ответственности еще не возникает, поскольку правонарушение служит в качестве основания привлечения лица к ответственности, но не в качестве основания возникновения.

В ст. 69 СК РФ первым основанием для использования такой меры, как лишение родительских прав, служит уклонение от исполнения обязанностей родителей, в т. ч. в случае злостной неуплаты алиментов. Однако полагаем, что трудно решить вопрос относительно того, каким образом конкретные действия родителей следует рассматривать в качестве уклонения от исполнения обязанностей в отношении детей. Также не вполне ясно, как

можно в точности определить, что данное основание непосредственно для лишения соответствующих прав, а не, для ограничения их, либо предупреждения о потребности скорейшего изменения отношения к обеспечению и воспитанию ребенка.

Представляется, что для лишения родительских прав необходима неоднократность уклонения от исполнения обязанностей. В связи с чем абз. 2 ст. 69 СК РФ следует предусмотреть в следующем виде: «...злостно уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов». Полагаем, это повысит эффективность защиты прав ребенка на семейное воспитание, поскольку предотвратит вероятность лишения соответствующих прав его родителей, в случае, когда последние однократно уклонились от воспитания.

Еще одним основанием для применения крайней меры семейно-правовой ответственности является жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психического насилия над ними. Между тем форм выражения психического насилия официально не предусмотрено. Соответственно, появляется проблема реализации крайней меры ответственности по рассматриваемому основанию. Полагаем, что уяснение понятия психического насилия в рамках Постановления Пленума ВС РФ, будет способствовать обеспечению более точного соотнесения действий родителя с рассматриваемым основанием лишения его прав.

Для совершенствования законодательства в сфере семейно-правовой ответственности и защиты прав участников данных правоотношений, целесообразно предусмотреть изменения в Семейном Кодексе РФ, и раздел 1 данного правового акта, дополнить статьей 9.1 под названием «Семейно-правовая ответственность». Так, под семейно-правовой ответственностью необходимо понимать предусмотренную в специальном порядке обязанность участника семейно-правового отношения, совершившего нарушение в данной сфере, претерпевать определенные лишения личного, материального либо организационного характера, сознательное выполнение предусмотренных

законом обязанностей, вытекающих из брачных, родительских и иных родственных отношений, а при невыполнении их – это принудительное исполнение либо наложение соответствующих лишений и отрицательных последствий для виновного субъекта, установленных семейно-правовыми нормами и гарантируемых посредством применения государственного принуждения.

Для повышения возможности реализации семейно-правовой ответственности, в Семейном кодексе РФ следует также предусмотреть норму, устанавливающую ее виды, обособляемые исходя из оснований возникновения. Это целесообразно предусмотреть путем введения ст. 9.2 СК РФ, где в части 1 установить, что семейно-правовая ответственность возникает в силу прямого указания закона, либо исходя из договора, заключенного субъектами брачно-семейных отношений. В части 2 указанной статьи следует предусмотреть, что привлечение к семейно-правовой реализуется по правилам, установленным СК РФ.

Исследовав практику судов по разрешению этой категории дел, можно резюмировать о целесообразности введения в Семейный кодекс РФ норм, устанавливающих предупреждение граждан, игнорирующих выполнение родительских обязанностей и ущемляющих права детей, как самостоятельную меру семейно-правовой ответственности.

Вышеуказанную меру следует применять в случае непосредственной вины родителя в игнорировании своих обязанностей, если не существует потребности в изоляции ребенка в целях защиты его прав и интересов. В случае вынесения соответствующего предупреждения, органы опеки обязуются осуществлять контроль за добросовестным выполнением родительских обязанностей, продолжительность которого может составить до полугода.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Амосов С.М., Гнатко Е.А., Мариненко О.И. Обеспечительные меры в гражданских делах по спорам об определении места жительства ребенка и по спорам об определении порядка общения с ребенком // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 31 - 34.
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда от 3 марта 2015 г. по делу № 33-820/2015 // Официальный сайт Ульяновского областного суда. (дата обращения - 23.09.2022).
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия от 11 сентября 2018 г. // Архив Петрозаводского городского суда Республики Карелия.
4. Беспалов Ю.Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: научно-практическое пособие. Москва: Проспект, 2020. 224 с.
5. Вавильченкова Г.И. Семейно-правовые санкции, применяемые к родителям за ненадлежащее осуществление прав и исполнение обязанностей по воспитанию детей в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 168 с.
6. Вишне夫斯基 А.Ф. Юридическая ответственность: некоторые аспекты теоретического осмысления в правовой науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. С. 18 - 28.
7. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. С. 381.
8. Загидуллин М.Р. Концептуальные основы юридической ответственности в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 107 - 126.
9. Земцова О.С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных странах / Под научной ред. И.А. Михайлова. Рязань: Концепция, 2013.

10. Звенигородская Н.Ф. Семейное правонарушение как основание семейно-правовой ответственности // Российский судья. 2020. № 12. С. 13 - 17.
11. Зыков С.В. О выражении в законодательстве исключительного характера применения лишения родительских прав в качестве меры семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 9 - 11.
12. Ильина О.Ю. Судебное решение как основание возникновения семейных прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8.
13. Карибян С.О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 192 с.
14. Карибян С.О. Цели, задачи и функции семейно-правовой ответственности в контексте позитивного и ретроспективного подходов // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 7 - 11.
15. Казанцева А.Е. Обязанности и права родителей (замещающих их лиц) по воспитанию детей и их ответственность за их нарушение. Томск: Издательство Томского университета, 1987. 205 с.
16. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. 9-е изд., испр. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2019. 506 с.
17. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990, ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13.06.1990 № 1559-1) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
18. Корнеева И. Л. Семейное право: учебник и практикум для вузов / И. Л. Корнеева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 361 с.
19. Кузьмин И.А. Специфика частноправовой ответственности // Lex russica. 2018. № 4. С. 37 - 52.
20. Людвигевич О.Н. Стадии юридической ответственности // Юридический журнал. 2007. № 4

21. Матанцев Д.А. Возмещение вреда как санкция в семейном праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5.
22. Милосавлевич В.Д. Участие прокуроров в рассмотрении судами гражданских дел о лишении родительских прав // Законность. 2018. № 2 (1000). С. 16 - 19.
23. Микрюков В.А. Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. Москва: Статут, 2021. 164 с.
24. Нечаева, А. М. Семейное право: учебник для вузов / А. М. Нечаева. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 294 с.
25. Нечаева А.М. К вопросу о совершенствовании Семейного кодекса РФ / А.М. Нечаева // Российская юстиция. 2017. № 4. С. 16 - 18.
26. Попов Д.В. Общее и особенное в преступлениях против семьи и несовершеннолетних, совершаемых посредством насилия // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 1. С. 26 - 29.
27. Попов Д.В. О психическом насилии как признаке объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. ст. 150, 151 УК РФ // Российский судья. 2016. № 12.
28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // «Российская газета», № 110, 10.06.1998.
29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. 2017. 20 ноября.
30. Постановление Президиума Московского городского суда от 29 мая 2015 г. по делу № 44Г-40 // СПС «КонсультантПлюс».
31. Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска от 15.04.2015 № 2-391/15 // <https://rospravosudie.com/court-sudeb№yj-uchastok-2->

le№i№skogo-rajo№a-g-ulya№ovska-s/act-221641561 (дата обращения - 19.09.2022).

32. Решение Мелекесского районного суда г. Димитровграда от 10.03.2015 № 10-1/2015 // <https://rospravosudie.com/court-melekesskij-rajo№№yj-sud-ulya№ovskaya-oblast-s/act-487474553> (дата обращения - 24.09.2022).

33. Решение Правобережного районного суда г. Липецка от 14 декабря 2015 г. по делу № 2-3889/2015 // Официальный сайт РосПравосудие: <https://rospravosudie.com> (дата обращения - 18.09.2022).

34. Решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 22 мая 2018 г. по делу № 2-2735/2018 // Архив Петрозаводского городского суда Республики Карелия.

35. Решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 27 июня 2018 г. по делу № 2-4063/2018 // СПС КрнсультантПлюс

36. Решение Судебного участка № 1 Сенгилеевского района Ульяновской области от 22.01.2015 № 2-7/2015 // https://rospravosudie.com/court-sudeb№№yj-uchastok-1-se№gileevskogo_ulya№ovskoj-oblasti-s/act-221944087/. Загл. с экрана (дата обращения - 19.09.2022).

37. Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска (Ульяновская область) от 11.09.2014 № 12-482/2014 // <https://rospravosudie.com/court-le№i№skij-rajo№№yj-sud-g-ulya№ovska-ulya№ovskaya-oblast-s/act-458220185>. Загл. с экрана (дата обращения - 18.09.2022).

38. Сабитова Э.Н. Понятие, способы и формы защиты семейных прав: теоретические аспекты // Семейное и жилищное право. 2017. № 6.

39. Салькова Н.С. Семейно-правовая ответственность родителей за неисполнение или ненадлежащее исполнение родительских обязанностей // Вестник магистратуры. 2018. № 12. С. 59.

40. Семейное право: учебник и практикум для вузов / Л. М. Пчелинцева [и др.]; под редакцией Л. М. Пчелинцевой; под общей редакцией Л. В. Цитович. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 330 с.
41. Семейное право: Учебник / М.В. Антокольская. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. - 432 с.
42. Семейное право: учебник / Н.А. Аблятипова, Ф.М. Аминова, Г.Г. Бодурова [и др.]; под ред. С.Н. Тагаевой. Москва: ИНФРА-М, 2022. 501 с.
43. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.09.2022) // «Российская газета», № 17, 27.01.1996.
44. Советское семейное право. Учебник / Белякова А.М., Ворожейкин Е.М.; Под ред.: Грибанов В.П. - М.: Юрид. лит., 1974. 304 с.
45. Ситкова О.Ю. К вопросу о природе ответственности в семейном праве // Актуальные проблемы частного права в России: Межвузовский сборник научных статей, посвящ. 75-летию З.И. Цыбуленко. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. юр. акад.», 2012. С. 189 - 194
46. Сорокин В.В., Кутявина М.Н. Основания юридической ответственности: новые подходы // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 51 - 57.
47. Спор о лишении родительских прав (на основании судебной практики Московского городского суда) // Помощник адвоката: электрон. журн. 2022. URL: <http://www.consultant.ru/consult/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&№=97727#035843599609884147>.
48. Тагаева С.Н. К проблеме причинно-следственной связи в составе семейного правонарушения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2. С. 168 - 172.
49. Тарусина Н.Н., Миролубова О.Г. О правовых позициях судов по делам об охране и защите интересов ребенка при реализации права пользования жилым помещением // Семейное и жилищное право. 2022. № 1. С. 41 - 44.

50. Тетюев С.В. Заключение прокурора в гражданском процессе // Гражданский процесс. 2018. № 12. С. 27-30.
51. Турусова О.С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных странах: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 11.
52. Ульянова М.В. Юридическая ответственность в сфере семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 31 - 35.
53. Филиппова Т.А., Маньковский И.Ю., Титаренко Е.П. Практическое значение определения отраслевой самостоятельности семейного права // Семейное и жилищное право. 2019. № 5. С. 19 - 22.
54. Черных Е.В., Липинский Д.А. Юридическая ответственность как целостное правовое явление // Вестник Самарской экономической академии. 2005. № 1(16). С. 212.
55. Чефранова Е.А. Непоименованные договоры как основание регулирования семейных отношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 7. С. 48 - 54.
56. Чирков А.П. Ответственность в системе права: Учебное пособие. Калининград, 1996.
57. Шершень Т.В. Проблемы ответственности в современном российском семейном праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 3 - 6.
58. Шилехин К.Е. Подход к классификации видов юридической ответственности // Административное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 21 - 28.
59. Шиловская А.Л. Семейно-правовая ответственность в рамках алиментных обязательств // Современное право. 2017. № 6. С. 46 - 50.
60. Штода И.С. Юридическая ответственность, ее признаки и стадии // Бизнес в законе. 2011. № 3.
61. Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2018.

62. Якушев П.А. Автономность семейных отношений и цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1. С. 277 - 293.

63. Якушева Н.Е. Признание брака недействительным в случае дефекта воли лиц, вступающих в брак: некоторые аспекты // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 27 - 29.